

ДИГИТАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ: БУДУЩЕЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК¹

Альмира Усманова: Открывая нашу дискуссию, я хотела бы отметить, что вопрос о том, что произошло с гуманитарными науками и университетским образованием в условиях новых медиа и стремительно развивающихся технологий коммуникации, представляет для нас и теоретический, и практический интерес – как в исследовательской работе, так и в преподавательской деятельности. Причем, с одной стороны, речь идет об индивидуальных стратегиях «выживания», приспособления, адаптации к новым технологиям и институциональным изменениям, а с другой – необходимо учитывать фактор глобальной переконфигурации всего образовательного пространства, особенно в связи с такой формой дистанционного обучения, как массовые открытые онлайн курсы (МООС).

Мы приходим в университетские аудитории, где встречаем студентов с совершенно иным представлением о мире (по сравнению, например, с тем, что было еще десять лет назад) и с совершенно иным культурным кругозором, другими лингвистическими и технологическими компетенциями. Но что делать с этим разрывом и с новой формой отчужденности, порождаемой все большей зависимостью от «думающих машин», заменяющих опыт живого общения и совместного обучения, знают (или задумываются) далеко не все. Преподаватели не в состоянии конкурировать с «Википедией» или другими глобальными информационными архивами и ресурсами, и нам по необходимости приходится

¹ Дискуссия состоялась 8 февраля 2014 года в рамках выставочно-образовательного проекта «Artes Liberales. Искусство и Техно-Логии: пространства медиации» (www.artes-liberales.by). Публикуется с сокращениями. Участники круглого стола: Альмира Усманова – профессор департамента медиа Европейского гуманитарного университета (Вильнюс, Литва); Феликс Акерман – в 2014 директор Центра немецких исследований ЕГУ, доцент DAAD (Вильнюс, Литва); Дмитрий Коренко – в 2014 лектор департамента медиа ЕГУ (Вильнюс, Литва), координатор проекта Mediaschool.by (Беларусь); Андрей Горных – профессор департамента медиа ЕГУ (Вильнюс, Литва); Алексей Криволап – в 2014 лектор департамента медиа ЕГУ (Вильнюс, Литва); Татьяна Щитцова – профессор департамента социальных и политических наук ЕГУ (Вильнюс, Литва), главный редактор журнала «Топос»; Александр Сарна – доцент кафедры социальной коммуникации, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь); Александра Логвинова – в 2014 магистрантка программы «Культурные исследования», ЕГУ (Вильнюс, Литва); Алена Талапила.

определяться со своей ролью – как в учебной аудитории, так и в пространстве виртуальных образовательных платформ.

То, что принес с собой Интернет, помимо всех прочих вызовов, – это окончательное утверждение культурного империализма английского языка. И если дальше от темы этого лингвистического и культурного империализма перейти к теме гегемонии, к невидимым иерархиям, которые структурируют и определяют наши исследовательские приоритеты и практики и академическую жизнь в целом, то здесь необходимо сказать, что постсоветские исследователи и преподаватели оказываются на глубокой периферии разнообразных глобальных тенденций. Вопрос в том, что ожидает нас уже в самом ближайшем будущем: готовы ли мы к тому, что «резервная армия труда», состоящая из бывших гуманитариев, будет стремительно пополняться, поскольку нас всех может с успехом заменить голова говорящего по-английски профессора Доуэля? Я позволю себе позаимствовать этот образ из советского фантастического романа, написанного в середине 1920-х гг. Александром Беляевым. Во-первых, потому что вопрос о том, «что может испытать голова без тела» (в том числе в университетском преподавании) уже не кажется столь фантастическим, как это было почти 100 лет назад. А во-вторых, потому что, размышляя о драматическом расхождении «культурных миров», усугубляемом новыми технологиями и киберкультурой, можно себе представить, что в ответ на вопрос «говорящей головы», кто такие Леонардо и Микеланджело, студенты, скорее всего, скажут, что это – черепашки-ниндзя. И в ответ голова профессора Доуэля радостно кивнет: «ОК, well done, guys».

Итак, мы решили провести эту дискуссию, поскольку полагаем, что данная проблематика – судьба гуманитарного знания в условиях «цифрового поворота» – является сегодня действительно глобальной, но при этом имеет значение для понимания многих локальных процессов.

Фелікс Акерман: Спачатку вельмі коратка пра мой вопыт працы са студэнтамі. Мы ў нейкім сэнсе адчуваем сябе ў нашай працы як людзі ХХ стагоддзя, бо зразумела, што мы не выходзіліся на Інтэрнэце, на камп'ютарах. Мы яшчэ ў школе, у дзяцінстве працавалі ў іншым фармаце. Здаецца, што нашы студэнты – digital natives, што яны выходзіліся і з камп'ютарам, і з Інтэрнэтам, яны ўжо выходзіліся ад пачатку з мабільнікамі, якія ўвесь час маюць доступ у Інтэрнэт. Але той факт, што яны тэарэтычна digital natives, яшчэ не значыць, што яны навучыліся працаваць у сеткавым варыянце нашага жыцця, калі ўвесь час адной нагой і ў «Фэйсбуку», і ў «Скайпе», і ў «Вконтакте» ды яшчэ дзесьці, а другой нагой – у рэальнай канфігурацыі нашага жыцця.

Як мы будзем супрацоўнічаць? Зразумела, што мы будзем менш часу праводзіць разам. Зразумела, што гэтыя канфігурацыі будуць больш мабільныя, больш складаныя. У гэтым сэнсе ЕГУ – гэта беларускі авангард, бо тое ж будзе і ў Баранавічах праз нейкі час, то-бок там будуць праводзіцца курсы праз «Мудл». І гэта будзе ўжо хутка, дарэчы. І наладзіць жыццё ў «Мудле» ў Баранавічах не нашмат прасцей, чым у Вільні.

Я хацеў бы на самы пачатак дыскусіі даць такі прыклад, што закранае грошкі глыбей, чым проста наша супрацоўніцтва са студэнтамі, нашу ўнутраную працу. Напрыклад, у аперацыйнай сістэме камп'ютара Apple няма беларускай мовы. Можна выкарыстоўваць беларускі фон, можна выкарыстоўваць беларускую клавіятуру, але сама сістэма не перакладзеная. У той жа час у Google Translate мы маем магчымасць перакласці на беларускую мову ўсё, што захочам. Можа, гэтым няшмат хто карыстаецца, як і беларускім варыянтам «Вікіпедыі»... 1 % запытаў у «Вікіпедыю» з тэрыторыі Беларусі ідзе ў беларускамоўную «Вікіпедыю». Разам з тым Google з тысячаў моваў у свеце выбраў якраз беларускую (як і ідыш, што цікава – абедзве мовы, якія мала хто ў штодзённым жыцці выкарыстоўвае).

І чаму камп'ютарная сістэма не па-беларуску, а ў Google Translate па-беларуску? Каб яна стаяла па-беларуску, павінен хтосьці сесці і перакласці ўручную ўсю сістэму. Гэта каштуе грошай. А ў Google Translate настолькі распрацаваная сістэма, што там алгарытм у стане апрацоўваць рэсурсы ўсяго Сеціва, напісаныя на беларускай мове, і на аснове гэтых словаў прааналізаваць сінтаксіс і граматыку ды класці базу ўсіх выкарыстаных словаў. І гэты алгарытм у стане перадаць нам хоць частку таго сэнсу, які мы хочам перакласці, прычым з кожнай іншай мовы – і з ідыш, і з хіндзі. Вельмі важны момант заключаецца ў тым, што ўжо не людзі аналізуюць ці перакладаюць тэкст, а мы маем такую сеткавую канфігурацыю, дзе алгарытмы распрацоўваюць для нас аналіз і нават асэнсаванне ў нейкім сэнсе. З беларускай мовай ёсць праблема ў Google Translate, бо, каб пабудаваць добры алгарытм, трэба шмат матэрыялу. Але ж мы прывыклі да якаснага аналізу ў гуманітарных навукх. А радыкальны пераход да таго, што называецца digital humanities, прыводзіць у прыныце да іншага падыходу да інфармацыі, паколькі там важная колькасць інфармацыі. Мы можам стварыць гэтыя алгарытмы, толькі калі ў нас агромністая база.

І тут цікавая аналогія якраз з мастацтвамі. У ЕГУ мы зусім нядаўна вялі барацьбу, каб прызнаваць крэатыўныя працы нашых дызайнераў, тыпографуў ды выпускнікоў іншых, больш мастацкіх кірункаў унутры ўніверсітэта на такім жа ўзроўні, як навуковыя тэксты гісторыкаў, філосафаў і г.д. І вельмі цікава, што ў сувязі з новымі формамі digital humanities цяпер паўстала (не ў нашым універсітэце, а на Захадзе) агромністая праблема: стварэнне базаў

і стварэнне праграм для аналізу гэтых базаў пакуль не лічыцца навуковай працай. Гэта лічыцца тэхнічнай працай. Там жа ідзе па-добная барацьба, каб чыста фармальна (напрыклад, калі даюцца гранты) прызнаць гэта на такім жа ўзроўні, як раней лінгвістычную працу.

Карані таго, што мы сёння называем культуралогіяй, звязаныя з тым, што па-англійску называецца *linguistic turn*, калі глядзець вельмі далёка. І тут я бачу сувязь з тым, што ў філасофіі ў нашым універсітэце была напачатку спроба растлумачыць і зразумець свет і жыццё праз словы і праз логіку мовы. Мова выкарыстоўвалася для апісання і аналізу. А калі адносна *digital humanities* думаць глыбей, чым проста сёння пра платформу, праз якую мы камунікуем з нашымі студэнтамі, то ў прынцыпе *digital humanities* значаць, што мы выйдзем за рамкі мовы. Сама мова і яе структура для гэтага аналізу не маюць значэння. І гэта для нас агромністая праблема, бо мы не навучыліся працаваць у такім фармаце. Усё, што мы можам і да чаго мы прывыклі, гэта аналіз са словамі і праца з самой мовай. І тое, як Google Translate стварае пераклад, – гэта выхад, дзе і інфармацыя лічыцца, і колькасць, і алгарытмы. І нашмат большае значэнне мае праграма ці тэхнічная магчымасць апрацоўкі, перапрацоўкі гэтай інфармацыі.

Дзмітрый Карэнка: Трэба пачаць з таго, што ў прынцыпе сёння практычна ўвесь наш штодзённы досвед (як публічны, так і прыватны) захоплены дыгiтальнымі тэхналогіямі. Можа быць, «захоплены» – занадта моцнае слова, але практычна не засталася прасторы, дзе б тыя тэхналогіі не прысутнічалі, і гэтага мы не можам не ўлічваць. Разам з тым я хацеў бы працягнуць лінію развагаў, якую пачаў Фелікс, наконт таго, што ўсё роўна застаецца пэўная прастора для нашага ўплыву на фармаванне тэхналогій.

Калі мы крытыкуем развіццё сучасных тэхналогій, то вельмі лёгка стаць на пазіцыю *тэхналагічнага дэтэрмінізму*, які нам кажа аб тым, што ўсё нашае сацыяльнае, культурнае і гістарычнае развіццё *падпарадкаванае* логіцы развіцця тэхналагічнага. Такая крытыка разглядае тэхналогіі як нешта адасобленае, самадастатковае, рэч-у-сабе, якая ўплывае на сацыяльныя працэсы ў аднабаковым парадку. Адпаведна такая форма крытыкі тэхналогій можа лёгка пераўтварыцца ў дыскурс віктымізацыі, дзе сацыяльнае прадстаўляецца як “ахвяра” ці “закладнік” тэхналогіяў.

Пазіцыя, якую я заўсёды спрабую даводзіць падчас заняткаў і абмеркавання са студэнтамі, – гэта пазіцыя *сацыяльнага канструявання тэхналогій*. У англамоўнай літаратуры яна называецца больш вытанчана – *social shaping of technology*. Гэта значыць, што *тэхналогія заўсёды ёсць сацыяльным канструктам* (у тым ліку *дыгiтальная*). Тэхналогіі не прыходзяць аднекуль з Марса, пасля

чаго мы пачынаем імі карыстацца. Як стварэнне, так і карыстанне тэхналогіямі – гэта працэс сацыяльнага канструявання.

І калі звязваць гэты аспект з гуманітарнымі навукамі і гуманітарнай адукацыяй, то, на маю думку, дыгiтальны выклік палягае хутчэй не ў тым, ці вытрымаюць гэты “напад” ці “захоп” дыгiтальнымі тэхналогіямі гуманітарныя навукі і гуманітарыі. Пытанне ў тым, ці здолее гуманітарыстыка знайсці такія падыходы, спосабы, з дапамогай якіх гуманітарная адукацыя зможа ажыццявіць паварот, які будзе ў пэўным сэнсе вяртаннем да крыніцаў? Той паварот, калі гуманітарная адукацыя зноў стане ці працягне быць прасторай пэўных дэмакратычных практык. Прасторай, дзе фактычна адбываецца фармаванне пэўнага тыпу асобы.

Каштоўнасць гуманітарнай адукацыі ў тым, што чалавек, які атрымлівае гэтую адукацыю, становіцца *асобай пэўнага кшталту*, якая мае разнастайнасць, крэатыўнасць, крытычнасць, і асобай, якая жыве ў супольнасці з іншымі асобамі. І ў гэтым сэнсе гуманітарная адукацыя дае добры падмурак для агульнага добра, што дазваляе нам развіваць грамадства, культуру, цывілізаванасць – як бы старамодна і пафасна гэта ні гучала. Таму я бачу пытанне дыгiтальнага выкліку і ролі дыгiтальных тэхналогій у тым, ці зможа сучасная гуманітарная адукацыя спрыяць таму, каб адукацыя сталася прасторай дэмакратычных практык.

Альмира Усманова: Мне хотелось бы сказать о том, как происходит осмысление медийных эффектов и новых технологий у нас в университете. Наш департамент называется *департаментом медиа*, но при этом у нас представлены как на уровне образовательных программ, так и в рамках исследовательских приоритетов такие направления, как гендерные исследования, урбанистика и визуальная культура (помимо журналистики и дизайна). Мы называемся *департаментом медиа* не только потому, что готовим специалистов для работы в медиа, но еще и потому, что нас интересует, каким образом в эпоху медиа трансформировались все поля культурного производства и что изменилось внутри различных дисциплинарных контекстов (от философии и социологии до урбанистики и гендерной теории) в новом медийном ландшафте.

Отвечая на вопрос о том, как дигитальные технологии изменили университетскую жизнь, следует иметь в виду два типа практик – преподавательскую деятельность и научные исследования, которые друг с другом очень тесно связаны (если для этого существуют институционально благоприятные обстоятельства). Приведу несколько примеров, позволяющих увидеть, какие новые вопросы исследовательского плана возникают в областях, которые на первый взгляд не связаны с изучением медиа, и как новые исследовательские проблемы влияют на содержание и методы преподавания. Во всех курсах, которые я веду в ЕГУ и в других универси-

татах, обязательно присутствуют темы, касающиеся дигитального поворота. Например, в курсе «Анализ фильма» мы обсуждаем вопросы, связанные со спецэффектами, деонтологизацией кинофотографического образа, трансформацией киноархивов, концепцией «расширенного кино», изменением языка самой теории кино в цифровую эпоху, новыми условиями кинорецепции, с изменением нарративных стратегий киноповествования в связи с распространением технологий Dolby Surround и т.д. Чтение курса по семиотике сегодня тоже принципиально отличается от того, что обсуждалось еще несколько лет назад. Я думаю, что сейчас мы переживаем четвертое рождение семиотики, связанное как раз с необходимостью найти адекватный концептуальный язык для описания новой культурной ситуации и самой медийной среды. И семиотика оказывается интересным способом или оптикой для рассмотрения множества тем, начиная от вопроса об устройстве интерфейса и переходя к таким вещам, как эмодзи (допустим, речь идет о том, каким образом все те функции языка, которые описывали в свое время Роман Якобсон и другие лингвисты, проявляются в этом наборе визуальных инструментов, которые нам дает Интернет). Голос и власть (встроенные в интерфейс таких систем навигации, как GPS) или феномен киберфеминизма также заслуживают пристального внимания (о чем мы говорим с магистрантами в рамках курса «Гендер, наука и технологии»).

Иначе говоря, появление и раификация возможных тем, которые связаны с анализом дигитальной культуры и Интернета, – это живое и интересное поле рефлексии, это расширение круга вопросов, которыми гуманитарные науки занимались традиционно. И мы как исследователи оказываемся в парадоксальной, сложной ситуации. С одной стороны, благодаря Интернету некоторые навыки отмирают, потому что их заменяют машинный разум и навыки сугубо технического характера. Многие прежние умения исследователя больше не нужны. Но гуманитарная компетенция важна как раз в том, чтобы понять, где и в каком смысле мы можем не то чтобы конкурировать с Интернетом, но как мы можем сделать его объектом нашей рефлексии и использовать предоставляемые им преимущества в наших (просветительских и исследовательских) целях.

По поводу изменения преподавательских практик: мы уже на протяжении многих лет занимаемся темой – *медиализацией знания* – как в практическом русле (создание новых мультимедийных аудиовизуальных продуктов, которые могут использоваться в преподавательской практике), так и в теоретическом (см., например, монографию Андрея Горных «Медиа и общество», которая изначально создавалась именно как мультимедийное пособие, даже не предполагавшее перевод в традиционно-печатный формат). Говоря о *медиализации знания*, мы имеем в виду рефлекс-

сивное использование медийных форматов в преподавании, когда визуальный образ перестает быть необязательной иллюстрацией, а становится основным средством для артикуляции той или иной теоретической идеи. Тут можно было бы долго говорить про разнообразные приемы, которые мы используем в наших курсах. Для меня, например, очень интересно давать студентам задания, в которых теоретический текст они должны помыслить кинематографически, то есть должны написать сценарий, чтобы сложная, абстрактная или сопротивляющаяся визуализации тема могла стать литературно-теоретической основой для сценария.

Дигитальный вызов гуманитариям состоит в том, что необходимо одновременно осмысливать и осваивать новые исследовательские области и радикально переформатировать классические режимы преподавания. Как гуманитарии мы, несомненно, заморожены (в смысле рефлексивного паралича) новыми медиа, но при этом должны быть заинтересованы в исследовании, в выявлении антропологических, социальных, когнитивных и идеологических эффектов развития новых технологий и тех последствий, которые эти сдвиги производят внутри академии.

Татьяна Щитцова: Меня зацепил тезис о том, что в констатируемой сегодня ситуации кризиса гуманитарных наук мы можем немного успокоиться, потому что появилось новое проблемное поле. Меня смущает такая интерпретация. Получается, кризис возник потому, что все вопросы исчерпали, всё прояснили. И вот тут – очень повезло! – появился новый предмет исследования. И значит, мы выйдем из кризиса, ведь можно предъявить миру собственную актуальность, поскольку надо осмыслить новые вопросы. Я хочу высказаться насчет самой этой связки: кризиса гуманитарного знания, с одной стороны, и появление новых медиа, с другой. Мне кажется, неслучайно так сложилось, что кризис современной гуманитаристики и появление новых медиа исторически параллельны. Полагаю, констатируемый кризис означает не то, что гуманитарное знание более не нужно, а то, что должно произойти радикальное переустройство самого процесса производства знания – его трансляции, обсуждения, освоения и прироста. То, как это происходило прежде, например, в университетах старой, трансляционной модели, себя исчерпало. Выход из кризиса для гуманитарных наук связан с переобразованием самого образовательного процесса.

И второй момент, который хотелось бы подчеркнуть. Ты сделала акцент на структурно-семиотической парадигме как важной теоретической базе для осмысления новых медиа. Мне кажется, важно не ограничиваться одной методологической парадигмой. Многие аспекты нашего опыта, связанного с появлением и распространением новых медиа, делают необходимым использование других методологий, в частности феноменологии и герменевтики.

Альмира Усманова: Конечно, семиотику я привела в качестве примера. Не секрет, что для студентов семиотика является крепким орешком – трудно усваиваемой дисциплиной, смысл и значение которой они осознают значительно позже (особенно тогда, когда оказываются наедине со сложными текстами (от Кристевой и Бодрийяра до Деррида и Раньсера). У меня нет сейчас возможности детально обсуждать эту проблематику, но скажу лишь, что многие вопросы, поднимавшиеся в эпоху третьего рождения семиотики (в начале 1960-х гг. на волне развития кибернетики), сегодня оказываются очень актуальны, но требуют радикального переосмысления – с учетом изменения категорий практики.

Что касается первого комментария Татьяны, то мне кажется, для нас естественно мыслить в терминах кризиса, если мы не опознаем то, что происходит, если не находим для этих изменений нового языка. Само эсхатологическое мышление о конце прежней эпохи и начале новой часто выражается с помощью понятия «кризис». Но можно попытаться на этот феномен взглянуть иначе – и digital humanities, как минимум, являются такой мыслительной альтернативой. Я думаю, имеет смысл говорить о «кризисе» вот в каком контексте: выталкивание гуманитарных наук из университета означает проблему не гуманитарных наук, а институционального кризиса. Неoliberalным университетам, возможно, не нужны гуманитарные науки (как это кажется сейчас, хотя я была бы готова доказать, как и почему знание классической истории искусств может оказаться конкурентным преимуществом на рынке труда среди рекламистов и дизайнеров), но humanities могут спокойно развиваться, в том числе в Интернете и других живых средах (например, в рамках неформального образования).

Я, конечно, не имела в виду, что гуманитарные науки могут внезапно реинкарнироваться или что их жизнь зависит от того, насколько интенсивно мы будем осваивать такие феномены, как гипертекст или ризома, переосмысливая их в контексте Интернета. Хотя это всё, безусловно, важно. Я имела в виду, скорее, то, что на первый план вышли вопросы, которые на протяжении ста или двухсот лет аккумулировались, но не проявлялись. Я в последнее время думаю о генеалогии целого ряда когнитивных компетенций, которые связаны с нашим визуальным или сенсорным опытом. Ведь то, что в XIX веке казалось незначительным изменением, после дигитального поворота стало восприниматься как отчетливый разрыв. И поэтому вопрос генеалогичности медиа кажется мне очень важным. Почему гуманитарии имеют здесь особое преимущество? Нам свойственно размышлять исторически, пытаться обнаружить глубину в явлениях, в которых многие видят не более, чем короткую жизнь в двадцать лет. Я думаю, что чем больше из прежних философских идей или исторических реалий мы узнаем и распознаем в дигитальной культуре, тем богаче и интереснее будет наше отношение с этим новым миром.

Фелікс Акерман: Я хацеў бы далей задумацца над невыпадковасцю. У якасці гісторыка я сказаў бы, што тое, што больш агульна мянялася за той час, – гэта якраз стасунак часу і прасторы, які мяняецца з-за гэтых дыгiтальных тэхналогiй. І ў нейкім сэнсе я казаў бы аб дыктатуры сучаснасці. Тое, што стасунак часу і прасторы мяняецца, мне здаецца прычынай таго, што мы маем не толькі крызіс гуманiтарных навук, але што мы насамрэч маем і больш агульна – крызіс міжнароднага права, мы маем крызіс суб’ектнасці дыгiтальнага грамадзяніна. Я маю на ўвазе дзве з’явы, якія больш звязаныя ў нашым успрыманні з Амерыкай. З аднаго боку, дзякуючы дронам адбылася трансфармацыя таго, як вайна закранае нас, у сувязі з тым, што хоць мы і не маем аўтаматычнай зброі (там кіруе чалавек), але чалавек фізічна не ў сувязі з гэтай машынай. Ён можа забіваць дыстанцыйна. У дзеяннях Амерыкі мы бачым, што гэта пагроза для таго фундамента, на якім стаіць міжнароднае права. У мінулыя дзесяцігоддзі ў прынцыпе Амерыка гэтымі дронамі стварыла проста новае права. І таксама ў сувязі з тым, што зараз робіцца ў Амерыцы. Пэўныя службы маюць усю дакументацыю, што ствараецца ў ЕГУ, бо ў нас серверы стаяць на Google (Gmail), а нашы тэлефоны падключаны праз літоўскія службы да таго, што збіраецца ў NSA. Мне здаецца, што гэта таксама ў сувязі з дыгiталізацыяй і трансфармацыяй таго ж стасунку часу і прасторы.

Гэта была вельмі агульная думка, а яшчэ пра наш універсітэт – гэтая трансфармацыя стасунку часу і прасторы вельмі добра бачная ў стасунку да нашага мінулага, тое, што я называў дыктатурай сучаснасці. Гэта азначае, што тое, што ў нас было, не лічыцца. Нават тое, што было пяць гадоў таму, хто што зрабіў – гэта сёння не ўваходзіць у агульны рахунак. І гэта агромністая праблема.

А другая праблема – гэта якраз той факт, што, скажам, мы маем «Скайп», Gmail, Google Translate, але ўсё роўна паміж Мінскам і Вільняй каля 200 км. У штодзённым сэнсе гэта для нас застаецца канкрэтным пытаннем. З аднаго боку, мы навучыліся праз «Скайп» ладзіць канферэнцыі, размовы і рознага тыпу сацыяльныя практыкі, але пытанне прысутнасці і прасторы – гэта адно з грунтоўных пытанняў у сувязі з патрабаваннем, каб новыя працаўнікі знаходзіліся на месцы, у Вільні, прычым увесь час. Мы ўжо прывычаліся да таго, што можам праз «Скайп» працаваць, а тут спроба стварыць аналагавы ўніверсітэт, дзе людзі будуць сядзець у сваіх кабінетах.

Падчас вочных заняткаў мы ўсе (я тут не пра студэнтаў) прывычаліся быць анлайн увесь час. І для мяне, напрыклад, вельмі цяжкі момант – працаваць са студэнтамі, якія ўвесь час з кімсьці перапісваюцца: SMS, «Вконтакте», «Скайп», «Фэйсбук» – магчымасцяў шмат. Я да іх звяртаюся: прабачце, я пераязджаў са сваёй сям’ёй з Берліна ў Вільню, каб з вамі працаваць, а вы тут перапісваецеся з вашымі калегамі, якія ў Менску. Гэта дзіўна.

Але, з другога боку, калі мы сядзім у гэтай прасторы, у якой мы павінны працаваць, *be educated in a digital way*, – мы вельмі самотныя. Нашым студэнтам увогуле вельмі складана распачаць працу. Частка праблемы ў тым, што яны на сувязі з усімі ўвесь час, але тут трэба штосьці самому рабіць, сканцэнтравацца і не быць ні ў «Вконтакте», ні ў «Скайпе» і гэтак далей. І гэта тое, што я на пачатку хацеў сказаць: чаго нам не хапае яшчэ, дык гэта новых практык супрацоўніцтва, дзе афлайн і анлайн – гэта не супрацьлеглыя рэчы, а проста розныя фарматы працы разам.

Дзмітрый Карэнка: Я хацеў бы дадаць заўвагу наконт педагагічнага аспекту ў кантэксце дыгітальных тэхналогій. Па-першае, варта адзначыць, што закранутай з’яўляецца не толькі сфера фармальнай адукацыі, але і нефармальнай адукацыі. У сферы нефармальнай адукацыі (у спосабах навучання) таксама адбываюцца імклівыя змены ў сувязі з развіццём дыгітальных тэхналогій. Па-другое, гэта праблема дыскамунікацыі падчас аўдыторных заняткаў. Прыкладам гэтага з’яўляюцца сітуацыі, калі ты прыходзіш у аўдыторыю і сустракаеш людзей, якія глядзяць у мабільныя тэлефоны, планшэты, каб спісвацца са сваімі калегамі і г. д Гэта вельмі цяжка ў псіхалагічным плане, бо няма непасрэднага кантакту, што традыцыйна ўспрымаецца як адсутнасць павагі да таго, хто гаворыць (збольшага гэта выкладчык, але могуць быць іншыя ўдзельнікі заняткаў).

І ў гэтым сэнсе базавая праблема навучання ў дыгітальную эпоху – *выпрацоўка культуры павагі* адно да аднаго ва аўдыторыі. Менавіта такая культура павагі, як частка агульнай гуманітарнай культуры, запатрабаваная ў “дыгітальным грамадстве”, якое імкліва развіваецца і па-за межамі ўніверсітэцкіх аўдыторый.

З іншага боку, я думаю, таксама было б цікава (нават у даследчым сэнсе) зразумець, чым канкрэтна займаюцца студэнты падчас заняткаў, калі выкарыстоўваюць усе гэтыя разнастайныя тэхналогіі камунікацыі. Магчыма, у гэтым насамрэч адбываецца штосьці новае, што мы не можам заўважыць і зразумець. Прынамсі, з даследчага пункту гледжання гэта вельмі цікавая сітуацыя, пра якую мы ведаем даволі павярхоўна.

Андрей Горных: Я бы хотел пару ремарок сделать по поводу общего понимания цифрового поворота в современной картине мира. Кажется само собой разумеющимся, что massive open online courses (МООС) находятся на острие современной дигитализации образования и всего поля знания. И картина, которая рисуется в рамках этой парадигмы обучения и вообще в рамках дигитализации знания, абсолютно благостна и утопична. Вот мы имели какие-то скучные лекции, когда студенты, хотя бы они этого или нет, идут в аудиторию. Над ними возвышается с кафедры некий человек, наделенный внешними инстанциями какой-то властью и

символическими полномочиями, в силу которых студенты должны его слушать, что бы он ни говорил. И он осуществляет образование в формате какого-то монолога, более или менее нудного, в конце которого люди засыпают, каждый сам по себе. А новый дивный мир цифровых технологий позволяет принести в образование и аудио, и видео, и темпоритм, который свойственен визуальному искусству. Он вносит не только новую долю интерактивности, но и радикальным образом демократизирует процесс, уравнивает студентов и преподавателей в техниках интерактивности. Они не просто пассивные реципиенты, а люди, которые могут в любой момент оспорить или проблематизировать то, что говорит преподаватель, который ведет диалог на равных, а не вещает некое раз и навсегда достигнутое знание в довольно нормативном или даже ультимативном ключе этой послушной, пассивной аудитории.

Более того, образовательное событие не просто длится эту пару, две, три, учебный день. Оно происходит постоянно. Современный дигитальный поворот, как пишут люди, его прославляющие, организывает студентов и преподавателей, всех завязанных игроков (ассистентов, тьюторов, преподавателей, профессоров, студентов и т.д.) в постоянные некие комьюнити, где люди постоянно учатся друг у друга и учат друг друга. И в этом смысле это, якобы, качественный скачок в другой мир, где и качество образования, и качество человеческих связей повышаются на порядок.

Я попытался суммировать нарратив о дигитальном повороте, начиная от «Википедии» и заканчивая специальными профессорскими интервенциями по этому поводу. Вроде, с первого взгляда не поспоришь, хотя какие-то подозрения возникают по этому поводу. Мне хотелось бы проблематизировать саму рамку этих рассуждений. На мой взгляд, прекрасны были времена, когда преподаватель мог говорить час или полтора, а студенты его слушали и понимали. Равно как и прекрасны были времена, когда люди приходили на живую музыку и могли час слушать симфонию, не переключаясь на другие каналы и не желая некой новизны каждые три-четыре минуты. Мы имеем дело с *continuous partial attention* молодого поколения, когда человек не может сконцентрироваться ни на чем. Современные идеологи цифрового образования высчитали, что шесть – восемь, максимум девять – двенадцать минут человек может что-то воспринимать. После этого нужно переключать, отвлекать, перезагружать. В рамках нашего старого доброго понимания академии это – патология. Мы вынуждены иметь дело с перцепцией, которая уже отформатирована медиа. И мы должны, попытавшись не сильно переломать студентов, заняться некой ортопедией, условно говоря. Чтобы сначала они могли пять, потом десять минут слушать одно и то же. Какие-то вещи говорятся за пять минут, какие-то – за десять, какие-то – за час. И аудитория, пространство образования, было как раз тем пространством, той

зоной, где говорились вещи, которые могут сказаться только за час. Как в музыке – нельзя симфонию проиграть в режиме «перемотки». Коль скоро студенты приходят с деформированной перцепцией, то первая задача – попытаться такими стратегиями «гомеопатии» противодействовать фрагментирующему импульсу современной культуры. Потому что если дальше дело пойдет такими темпами, то мы придем к тому, что студенту надо будет каждую минуту менять пластинку. А картинки в PowerPoint будут чередоваться с частотой, как в клипе MTV, – иначе студенты просто не сосредоточатся, ничего не воспримут. Это первая опасность.

Вторая опасность дигитального поворота, на мой взгляд, заключается в том, что его нужно понимать в рамках того венчурного капитализма, в котором мы находимся. Джордж Сименс, идеолог МООС, сформулировал принципы нового образования. Смысл обучения, результат знания – это *diversity of options*, некий набор опций, который ты можешь для себя выбрать в той или иной ситуации, а не какой-то рецепт знания. Я не буду перечислять эти принципы, но они подозрительно напоминают принципы инвестиционной активности. Это подвижная способность реагировать на какие-то токи, как на сводки индексов, потоки биржевых цифр, чтобы извлечь капитал. Есть глубинная связь между поэтикой дигитального образования и поэтикой венчурного капитализма. Навыки практически одни и те же. Это поэтика образования летучих сообществ, которые готовы тут же распасться по завершении сделки, проекта, отработки какого-то гранта – безболезненно. И дигитальный поворот абсолютно соответствует этой социальной логике.

Альмира Усманова: Я хотела бы спросить у преподавателей, которые работают в Беларуси. Как эти вопросы соотносятся с вашим опытом? Как эта новая ситуация переживается в государственных университетах?

Александр Сарна: В БГУ делается попытка информатизации учебного процесса. Характерно, что это выражается в мобилизации ресурсов со стороны преподавателей. Основная задача в том, чтобы преподаватель делился собственными ресурсами и инвестировал свои возможности в сам учебный процесс. Если у тебя есть свой ноутбук или какой-нибудь КПК, то ты можешь сразу включиться в эти процессы и продемонстрировать собственные навыки включенности в новые технологии. Это, конечно, не от хорошей жизни (например, для проведения лекций преподаватель должен записываться в очередь на проектор чуть ли не на год вперед). С одной стороны, есть потребность, необходимость соответствовать современным тенденциям, а с другой – нет возможности им соответствовать, финансово и технически.

А другая проблема – и тут я солидарен с Андреем Горных – касается этой расфокусировки (хотя можно всё перевернуть и сказать, что внимание, напротив, сверхконцентрируется и максимально ускоряется). Ты должен быть предельно мобилизован, сверхконцентрирован, чтобы прошерстить все доступные источники, тут же склепать какой-то конспект и выдать его на лекции как самостоятельно выполненное задание. От тебя требуется умение использовать технологии, а не порождать что-то свое. И это не может не настораживать и вообще ставит под вопрос смысл такого образования. Выходит, мы готовим технических специалистов, которые должны не хуже айтишников разбираться в техниках и применять современные технологии. Задача сводится к поиску знания. Подразумевается, что оно уже имеется, получено, рассортировано. И ты должен уметь манипулировать этим рассортированным, классифицированным знанием в «Википедии» или где-то еще. Что здесь гуманитарного? Это технические навыки технического специалиста, превращающие дигитальный поворот в дигитальную угрозу.

Александра Логвинова: На собственном опыте я убедилась, что в крупных университетах в Германии (в Свободном университете, во Фрайбурге) дигитальные технологии – это что-то такое, от чего стараются отречься. И студентов всячески поощряют к использованию старых технологий. Посещая занятия в течение восьми недель, я была единственным студентом, который приходил с компьютером. Преподаватели распространяли распечатки материалов. У меня сложилось впечатление, чем меньше институция, тем более распространены там медиатеchnологии. Было бы интересно обсудить, почему старые университеты избегают новых медиа.

Альмира Усманова: Мне кажется, большие университеты, в том числе те, которые имеют государственное финансирование, могут позволить себе жить по инерции. А чем меньше университет, тем менее он стабилен, тем выше у него необходимость адаптации. Такие мобильные, гибкие университеты подчинены логике ускорения и практической необходимости встраивания. Кроме того, есть возможность что-то решать именно в пределах маленькой институции.

Феликс Акерман: Я об этом тоже задумывался. Я привык работать с ксерокопиями. В том университете в Германии, где я учился, в библиотеке просто был угол, где лежали отобранные профессором книги, которые нельзя вынести из библиотеки, чтобы все могли ими пользоваться. Это было всё, что подготовлено для семестра. Они там стояли, чтобы их копировать. Когда я сюда приехал, то был удивлен, что здесь намного больше людей с планшетами работают, что у всех айфоны, что без айфона социальная жизнь не состоится. Это возвращение к вопросу про ресурсы. Уже даже никто не думает просить университет купить себе новый компьютер, по-

тому что мы привыкли к тому, что мы каждые несколько лет сами должны купить ноутбук. Никто уже даже не мечтает, чтобы университет оплатил ноутбук. Кстати, в Германии то же самое. Я никогда в жизни не получил ноутбука от университета. В офисе компьютер был, а чтобы с собой носить – нет.

Тот шик-модерн, что в Германии всё аналоговое, так это там университеты могут себе позволить – преподаватели имеют доступ к кафедральному принтеру и могут распечатывать столько, сколько захотят. А здесь мы не печатаем, потому что это стоит денег. И это, как ни парадоксально, ускоряет переход в цифровой формат, так как складывается привычка читать с экрана.

Другой аспект связан с авторскими правами. Разница между Германией и Беларусью в том, что в Германии существует авторское право, а здесь оно отсутствует. Если кто-то мою диссертацию будет копировать в немецкой библиотеке, то библиотека уже заранее заплатила за мои авторские права. И когда я опубликовал свою работу, я однажды получил несколько сот евро за то, что она будет копироваться. Здесь мы привыкли брать из Интернета тексты, игнорируя авторское право. И это не потому, что нам так нравится, а потому, что иначе мы вообще не могли бы работать. Потому что у нас нет денег, чтобы купить эти книги даже в большие библиотеки в Беларуси.

И третий пункт: для «аналоговой» университетской культуры длительная концентрация на какой-либо деятельности очень важна. Это нормально, что студент для написания одной курсовой работы может сидеть три-четыре недели в библиотеке. Он этому научится уже на второй, третий год. А наши студенты не успевают даже приобрести этот навык работы в библиотеке (и концентрации). Это связано не только с «Фейсбуком» и «Вконтакте», но и с ресурсами. Студенты, чтобы финансировать учебу, должны еще подрабатывать – у них нет возможности спокойно сидеть с девяти утра до шести вечера в библиотеке и не задумываться ни о чем другом.

Александр Сарна: Сразу соглашусь. На первом курсе студент приходит и еще нигде не работает, он может себе позволить учиться, у него есть время подготовиться, и он все делает медленно, но хорошо и качественно. Но чем дальше, тем меньше у него времени. Он устраивается на работу, зато у него есть доступ к различным ресурсам, он все это копирует. В итоге – диплом не пишется, а монтируется из каких-то кусков. К этому моменту студенты ставят рекорды по минимуму времени, затрачиваемого на учёбу – полдня отводится на редактуру какого-то изначального массива данных.

И второй момент, об авторских правах. У нас в университете действует распоряжение, согласно которому все учебные пособия, лекции, планы, программы – все должно быть размещено в Интернете на университетском сайте. Тут же возникает вопрос: а если договор с издательством – и твое пособие печатается? Может, на него распространяется авторское право, в том смысле, что какое-то издательство может его напечатать и распространять. Как это должно регулироваться? И в чем тогда смысл лекций? Понятно, что пересказывать уже размещенные в Интернете материалы – бессмысленно, нужна какая-то радикальная форма их подачи. Хорошо, если это презентация. Но где проектор? На семинарах я могу с ноутбуком как-то работать, потому что аудитория меньше. А если это поточная лекция? Видят только первые ряды, задние уже «сидят» в своих смартфонах.

Андрей Горных: Почему работа над научным проектом превращается в Final Cut за одну ночь до защиты? Почему происходят все эти визуальные, медиальные и прочие повороты? Мы рассуждаем о них с каким-то легким ворчанием, где-то с высокомерностью. Но если пытаться смотреть в корень, то смысл классического образования, еще с Греции, заключался в вопросе – и поэтому философия была стержнем всех наук о человеке – за что человек может умереть? За что человеку не то чтобы не страшно умереть, а нужно и легко умереть? И университет играл ключевую роль в этой социальной системе, поддерживая национальный дух. Сейчас, когда классическая эпоха ушла, конечный смысл того, что мы делаем, что мы хотим получить или чего ждем от студентов – чтобы они продвигали потребительские бренды. Не случайно, в конечном счете, все наши социологи, психологи, философы оказываются в PR-агентствах.

Александр Сарна: Сегодня образовательная процедура сводится к геймингу. Раньше это действительно была подготовка к военной службе, готовности умереть за высокие идеалы нации и территориально привязанных коллективов, этносов. А теперь это могут быть международные команды геймеров, которые друг друга в глаза не видели, но они друг друга в сетевом сообществе знают. И скорость нажимания на кнопки – главный критерий для отработки этой реакции до автоматизма.

Алена Талапіла: Дзякуючы анлайн-курсам студэнты маюць больш выбару – яны могуць не даглядзець курс, глядзець нейкімі кавалкамі, нішто не прымушае іх дасядзець да канца. Улічваючы, што будзе ісці рух да прызнання кампетэнцый, атрыманых у межах нефармальнай адукацыі, то перад малымі ўніверсітэтамі стаіць пытанне: што выкладчык можа прапанаваць у аўдыторыі, чаго ён не можа прапанаваць анлайн? Вялікіх універсітэтаў, кшталту Гарварду

і Ейлю, гэта менш датычыць, бо адукацыя ў іх яшчэ доўгі час будзе каціравацца.

Феликс Акерман: О выборе курсов. Может быть, в ЕГУ больше выбора, чем в государственном вузе в Беларуси, но гораздо меньше, чем в Германии. Хотя в Германии этот выбор был сильно ограничен Болонским процессом, участием в котором мы в ЕГУ гордимся. ЕГУ все еще держится логики XX века. Наши студенты потом идут работать в PR-агентства и туристические агентства, но, в принципе, мы их обучаем еще как промышленных работников. Форма обучения построена, как на промышленном предприятии: поступает сырой материал, идет определенная фаза обработки, будет более эффективно, если больше материала за один раз «провернуть» (у нас есть такая мысль, что если этого не делать, то этот материал пропадает, портится), и в конечном итоге у нас выходит готовый результат, который для чего-нибудь сгодится. Я часто думаю, что хотелось бы перейти на другую, постиндустриальную форму обучения, которая ближе тому, что вы описали.

В Вильнюсе я был удивлен, что когда там организовываешь в старом формате публичную лекцию и встречу, то очень тяжело уговорить людей, чтобы они пришли, потому что все заняты, все работают на 1,5 ставки, некоторые больше. И там есть LUNI² – Свободный университет, чуть-чуть анархистский, но я просто удивлен тем, что там люди добровольно идут на встречу в городе, на лекцию. Я хочу сказать, что уже сейчас есть другие формы. И это опять про ресурсы. Они другие, потому что у них нет системы, проводящей процесс, который длится четыре года, соответствует Болонским нормам, обеспечивает определенное количество кредитов. И конечно, гораздо легче организовать в Свободном университете три-шесть лекций в месяц – и будет больше народу. Я здесь не совсем разделяю энтузиазм, но думаю, что это и есть вызов для нас, чтобы вместе со студентами разрабатывать другие формы общения, которые трансформируют университет и сделают его более соответствующим XXI веку.

Дзмітрый Карэнка: Працягваючы думку Фелікса наконт логікі XX стагоддзя, фабрычнай. Сапраўды, на прыкладзе ЕГУ – у нас ёсць дыстанцыйныя курсы, якія патэнцыйна могуць быць адкрытыя глабальна. Гэта эксперымент, які было б варта правесці, і яшчэ цікава, які будзе вынік – колькі насамрэч людзей запішацца, колькі застанецца да паловы тэрміну навучання і колькі застанецца да канца. Не ў тым сэнсе, што мы пацвердзім тую гіпотэзу, што нікога не цікавяць сапраўдныя, сур’ёзныя гуманітарныя веды. Але сапраўды выклік у тым, як падаць гуманітарныя веды, каб людзі, якія жывуць у іншых краінах, у іншых культурных і сацыяльных кантэкстах,

---

² <http://www.luni.lt/>.

змаглі застацца слухачамі курса ў сітуацыі, калі яны не абавязаныя праходзіць крэдыты, атрымліваць залікі – усе тое, чым “утрымлівае” студэнтаў традыцыйная навучальная інстытуцыя.

Мы можам крытыкаваць пазіцыю выкладчыка і студэнта, але мы разумеем, што інстытуцыя шмат у чым абавязвае ўдзельнікаў адукацыйнага працэсу, як выкладчыкаў, так і студэнтаў, каб гэты працэс адбываўся. Цалкам адкрытая прастора ёсць выклікам гэтым абмежаванням. Але мне падаецца, што тут пытанне ў тым, *як сучасная гуманітарная адукацыя з дапамогай дыгітальных тэхналогій зможа стаць гэтым дэмакратычным працэсам*, больш-менш раўнапраўным, дзе былыя іерархіі не спрацоўваюць аўтаматычна і неабходна выпрацоўка новых формаў узаемадзеяння і ўзаемадаверу.